05

Влияние дисперсии магнитной анизотропии кластеров Ge₃Mn₅ на температурные зависимости намагниченности тонких пленок Ge : Mn

© А.И. Дмитриев^{1,2}, М.С. Дмитриева^{1,2}, Г.Г. Зиборов³

 1 Институт проблем химической физики РАН, Черноголовка, Московская обл., Россия 2 Российский университет транспорта, Москва, Россия

³ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: aid@icp.ac.ru

Поступило в Редакцию 12 октября 2018 г.

Для ионно-имплантированных тонких пленок Ge : Mn (4 at.% Mn), содержащих кластеры Ge₃Mn₅, получены температурные зависимости намагниченности M(T), измеренные после охлаждения пленок в нулевом магнитном поле (ZFC) и в магнитном поле 10 kOe (FC). Установлено, что вид ZFC–FC-кривых M(T) определяется логнормальным распределением энергии магнитной анизотропии кластеров, задаваемым их распределением по размеру. Анализ ZFC–FC-кривых позволил оценить температуру блокировки и дисперсию магнитной анизотропии кластеров, а также константу магнитной анизотропии.

DOI: 10.21883/PJTF.2019.02.47221.17559

Разбавленные магнитные полупроводники — эффективная среда для создания спиновой поляризации носителей заряда. Однако величина косвенного обмена, поддерживающего спин-поляризованное состояние, настолько мала, что соответствующие температуры Кюри значительно ниже комнатной (обычно ниже 110 К). Причина заключается в плохой растворимости примеси переходных металлов в полупроводниковой матрице и как следствие в образовании различных кластеров вторичной фазы [1-4]. Присутствие этих включений, зачастую ферромагнитных при комнатной температуре, обычно считалось вредным, так как их образование приводило к обеднению подсистемы диспергированных ионов переходных металлов и вследствие этого к понижению температуры магнитного упорядочения в ней. Однако недавно появились свидетельства в пользу того, что ферромагнитные кластеры могут формировать необычные свойства разбавленных магнитных полупроводников, требуемые спинтроникой. В качестве примера можно привести пленки GaAs: Mn с кластерами MnAs, в которых наблюдались магнитный круговой дихроизм и фарадеевское вращение [1,2], положительное магнетосопротивление [3], генерация спинового тока за счет спонтанного перемагничивания кластеров MnAs [4] ИТ.Д.

В настоящей работе исследованы тонкие пленки Ge : Mn (4 at.% Mn), содержащие кластеры Ge₃Mn₅, полученные методом ионной имплантации. Ранее эти образцы привлекли внимание благодаря микроволновому магнетосопротивлению при комнатных температурах [5]. Интерес к ним обусловлен также экзотическим ферромагнитным упорядочением в подсистеме диспергированных ионов марганца, происходящим по перколяционному сценарию при низких температурах (< 13 K). К настоящему моменту пленки Ge:Mn хорошо исследованы. В [6,7] обсуждались фундаментальные закономерности возбуждения и распространения спиновых волн и спинволновой резонанс, в [8] изучены механизмы переноса носителей заряда. В настоящей работе измерены температурные зависимости магнитного момента пленок Ge : Mn, охлажденных в нулевом магнитном поле и в магнитном поле H = 10 kOe. Целью работы является установление влияния распределения кластеров Ge₃Mn₅ по размеру на температурные зависимости намагниченности пленок Ge : Mn.

Образцы Ge: Mn (4 at.% Mn) толщиной 120 nm были изготовлены методом ионной имплантации ионов марганца в пластины монокристаллического германия (рис. 1, а). Подробно методика изготовления образцов тонких пленок описана в работе [9]. Структура пленок была исследована ранее методами просвечивающей электронной микроскопии, рентгеновской дифракции, рентгеновской фотоэлектронной спектроскопии [9]. Было установлено, что пленки Ge: Mn содержат кластеры Ge₃Mn₅ со средним диаметром 9 nm (рис. 1, b), а также изолированные ионы Mn^{2+} в узлах кристаллической решетки германия. Измерения магнитного момента пленок проводились с помощью СКВИД-магнитометра MPMS 5XL (Quantum Design) при температурах $T = 2 - 350 \, \text{K}$ в постоянном магнитном поле H = 100 Oe.

На рис. 2 представлены температурные зависимости магнитного момента пленки Ge: Mn, охлажденной в нулевом магнитном поле (ZFC) и в магнитном поле H = 10 kOe (FC). На рис. 2 видны две критические температуры. Одна из них — температура Кюри кластеров Ge₃Mn₅ ($T_C = 281$ K), вторая — температура блокировки ($T_B = 214$ K). Вид зависимостей M_{ZFC} и M_{FC} определяется распределением кластеров Ge₃Mn₅ по

размеру (по энергии магнитной анизотропии) [10]:

$$M_{\rm ZFC} = \frac{HM_S^2}{3k_{\rm B}T} \int_0^{V_{\rm lim}} V^2 \rho(V) dV + \frac{HM_S^2}{3K} \int_{V_{\rm lim}}^{\infty} V \rho(V) dV, \quad (1)$$

$$M_{\rm FC} = \frac{HM_S^2}{3k_{\rm B}T} \int_0^{V_{\rm lim}} V^2 \rho(V) dV + \frac{HM_S^2}{3K} \int_{V_{\rm lim}}^\infty \alpha V \rho(V) dV, \quad (2)$$

где H — напряженность магнитного поля, M_S — намагниченность насыщения, k_B — постоянная Больцмана, T — температура, V — объем кластеров, K — константа магнитной анизотропии, $V_{\text{lim}} = \gamma k_B T/K$ — значение объема, выше которого кластеры находятся в блокированном состоянии; коэффициент α определяется выражением $\alpha = 0.9283 \ln(v_0 K \langle V \rangle / k_B v_T) - 3.96$, коэффициент γ

Рис. 1. *а* — изображение поперечного сечения ионноимплантированной пленки Ge : Mn (4 at.% Mn), полученное с помощью просвечивающего электронного микроскопа; *b* гистограмма распределения кластеров Ge₃Mn₅ по диаметру.

Рис. 2. Температурные зависимости магнитного момента пленки, охлажденной в нулевом магнитном поле (ZFC) и в магнитном поле H = 10 kOe (FC).

Рис. 3. Температурная зависимость производной $d(\Delta M)/dT$. Линиями показаны аппроксимации (пояснение в тексте).

определяется выражением $\gamma = 0.9609 \ln(\nu_0 T_{\max}/\nu_T) - 1.629$ (здесь ν_0 — характерная частота термических флуктуаций, ν_T — скорость изменения температуры, $\langle V \rangle$ средний объем, T_{\max} — температура максимума на зависимости ZFC). Распределение кластеров по объему задается логнормальной функцией

$$\rho(V) = \frac{1}{V\sigma\sqrt{2\pi}} \exp\left(-\frac{1}{2}\left[\frac{\ln\frac{V}{V_m}}{\sigma}\right]^2\right),\qquad(3)$$

где σ — дисперсия, V_m — медианный объем $(V_m = 8\langle V \rangle \exp(-9\sigma^2/2)).$

Для удобства анализа экспериментальных данных упростим вид выражений (1) и (2). Для этого запишем выражение для производной по температуре *T* разности магнитных моментов $\Delta M = M_{\rm FC} - M_{\rm ZFC}$, предварительно сделав в интеграле замену переменных $V = \gamma k_{\rm B} T/K$:

$$\frac{d(\Delta M)}{dT} = \frac{HM_S^2}{3K} (\alpha - 1) \left(\frac{\gamma k_{\rm B}}{K}\right)^2 T\rho\left(\frac{\gamma k_{\rm B}T}{K}\right).$$
(4)

На рис. 3 представлена температурная зависимость производной $d(\Delta M)/dT$ и ее аппроксимация выражением (4) с функцией распределения, задаваемой формулой (3) (штриховая линия). Коэффициент детерминации $R^2 = 0.79$. Из аппроксимации были найдены температура блокировки T_B = 214 K и дисперсия магнитной анизотропии $\sigma_E = 1.1$, значение которой оказалось близко к дисперсии распределения кластеров по диаметру $\sigma_D = 1.2$. Немонотонная зависимость $d(\Delta M)/dT$ отражает распределение кластеров Ge₃Mn₅ по размеру (рис. 1, b) или, что то же самое, по энергии магнитной анизотропии. Приведенная на рис. 3 кривая воспроизводит вид зависимости $\rho(E_a)$ (здесь $E_a = KV$ — энергия магнитной анизотропии), т.е. воспроизводит энергетический профиль магнитной анизотропии. Из рис. 1, b видно, что распределение кластеров Ge₃Mn₅ по диаметру является логнормальным с правосторонней асимметрией (правый "хвост" значительно длиннее левого). Однако распределение $\rho(E_a)$, как видно из рис. 3, имеет левостороннюю асимметрию (левый "хвост" значительно длиннее правого), что, вообще говоря, не характерно для логнормальной функции. Скорее всего, в образцах присутствует еще один вид нановключений, которые не видны в электронном микроскопе. Поэтому наблюдаемая зависимость $\rho(E_a)$ может быть порождена двумя или более "наложенными" распределениями, т.е. распределение ρ мультимодально. Сплошной линией на рис. З показана аппроксимация зависимости производной $d(\Delta M)/dT$ выражением (4) с двумя функциями распределения, задаваемыми формулой (3). Это эквивалентно предположению, что выборка происходит из двух разных "популяций" нановключений, так как наличие двух мод в одной популяции — маловероятное явление, которое не подтверждается данными электронной микроскопии. Коэффициент детерминации R² = 0.91 заметно выше, чем в случае унимодального распределения. С помощью аппроксимации были определены значения температуры блокировки $T_B = 217 \,\mathrm{K}$ для кластеров Ge₃Mn₅ и 173 К для второй "популяции" нановключений, значения $\sigma_E = 1.05$ для обеих "популяции" близки. Второй вид нановключений может представлять собой области Ge_mMn_n, имеющие более высокую локальную концентрацию Mn по сравнению со средней концентрацией в объеме. Химическое фазовое разделение сплава на обогащенные и обедненные Mn области наблюдалось ранее в наноструктурах Ge : Mn [11]. Зная температуру блокировки $T_B = 217 \, \text{K}$ и средний диаметр 9 nm кластеров Ge₃Mn₅, можно оценить константу магнитной анизотропии *К* по формуле $T_B = KV/25k_B$. Значение константы магнитной анизотропии $K = 2 \cdot 10^6 \text{ erg/cm}^3$

оказалось близко к соответствующему значению, полученному ранее в работе [12].

Таким образом, установлено, что вид температурных зависимостей намагниченности тонких пленок Ge : Mn (4 at.% Mn) с кластерами Ge₃Mn₅, измеренных после охлаждения пленок в нулевом магнитном поле и в магнитном поле 10 kOe, определяется логнормальным распределением кластеров по энергии магнитной анизотропии.

Авторы признательны О.Л. Казаковой за образцы и данные просвечивающей электронной микроскопии.

Работа выполнена по теме государственного задания 0089-2019-0011.

Список литературы

- [1] Akinaga H., Miyanishi S., Tanaka K., Van Roy W., Onodera K. // Appl. Phys. Lett. 2000. V. 76. N 1. P. 97–99.
- Shimizu H, Tanaka M. // J. Appl. Phys. 2001. V. 89. N 11.
 P. 7281-7283.
- [3] Yuldashev Sh.U., Shon Y., Kwon Y.H., Fu D.J., Kim D.Y., Kim H.J., Kang T.W., Fan X. // J. Appl. Phys. 2001. V. 90. N 6. P. 3004–3006.
- [4] Hai P.N., Ohya S., Tanaka M., Barnes S.E., Maekawa S. // Nature. 2009. V. 458. N 7237. P. 489–492.
- [5] Дмитриев А.И., Моргунов Р.Б., Казакова О.Л. // ФТП. 2010. Т. 44. В. 3. С. 320–325.
- [6] Дмитриев А.И., Моргунов Р.Б., Казакова О.Л., Танимото Й. // ЖЭТФ. 2009. Т. 135. В. 6. С. 1134–1141.
- [7] Дмитриев А.И., Дмитриева М.С., Зиборов Г.Г. // ФТТ. 2018. Т. 60. В. 5. С. 919–922.
- [8] Дмитриев А.И., Буравов Л.И. // ФТТ. 2017. Т. 59. В. 3. С. 523-527.
- [9] Ottaviano L., Passacantando M., Verna A., Gunnella R., Principi E., Di Cicco A., Impellizzeri G., Priolo F. // J. Appl. Phys. 2006. V. 100. N 6. P. 063528.
- [10] Tournus F., Tamion A. // J. Magn. Magn. Mater. 2011. V. 323.
 N 9. P. 1118–1127.
- [11] Li A.P., Zeng C., van Benthem K., Chisholm M.F., Shen J., Nageswara Rao S.V.S., Dixit S.K., Feldman L.C., Petukhov A.G., Foygel M., Weitering H.H. // Phys. Rev. B. 2007. V. 75. N 20. P. 201201.
- [12] Jain A., Jamet M., Barski A., Devillers T., Yu I.-S., Porret C., Bayle-Guillemaud P., Favre-Nicolin V., Gambarelli S., Maurel V., Desfonds G., Jacquot J.F., Tardif S. // J. Appl. Phys. 2011. V. 109. N 1. P. 013911.